

ФЕДЕРАЦИЯ

"О многих мы просто не знаем". Сколько в России политзаключенных

менее минуты назад

Иллюстративное фото

Сразу несколько независимых российских СМИ, блогеров и правозащитных организаций 12 июня проводят марафон солидарности с политическими заключенными.

В России более пяти тысяч человек подвергаются преследованию со стороны государства по политическим мотивам, из них более 1 600 признаны политическими заключенными. Это данные правозащитного центра "Мемориал", проекты которого на прошлой неделе были включены в перечень "террористов и экстремистов" Росфинмониторинга.

"Настоящее время" поговорило с **Анной Каретниковой** — правозащитницей, участницей проекта "Поддержка политзаключенных. Мемориал".

Она объяснила, как правозащитники ведут подсчет политзаключенных, по каким статьям чаще возбуждают политические дела в последнее время, а также рассказала о том, что против граждан Украины в России и в оккупации возбуждают все больше уголовных дел, а российских политзеков преследуют повторно — за разговоры с сокамерниками.

Анна Каретникова. Архивное фото

— Незадолго до дня солидарности с политзаключенными несколько организаций, которые помогают политзекам, признали "экстремистскими". Это совпадение? Или происходит финальная "зачистка" инфраструктуры помощи?

— Сложно сказать, что имели в виду правоприменители этой датой. Вообще, они любят такие игры, но, может быть, это и просто стечение обстоятельств. А является ли это полной зачисткой — полностью все, разумеется, зачистить нельзя. Но попытаться можно. Отрезать максимально тех, кто помогает из-за рубежа и, собственно, помогающих открыто заключенным [внутри России] — наверное, это и является целью.

— Хочется понять, что изменится для тех, кто уже находится в заключении и, собственно, для помогающих? Какие-то пути для помощи остаются?

— Пути, разумеется, остаются, и мы будем ими пользоваться. Для самих политических заключенных это никаких дополнительных рисков не несет. Естественно, это несет риски для адвокатов, которые с нами сотрудничают, для волонтеров, которые с нами сотрудничают.

Поэтому я должна сказать, что у нас нет волонтеров на территории России, мы не принимаем пожертвования с территории России, мы не взаимодействуем с адвокатами на территории России. В общем, мы надеемся максимально снизить риски для всех, но это совершенно не значит, как вы правильно сказали, что политзаключенные останутся без помощи.

— Сколько сейчас в России политзаключенных?

— Все ругают "Мемориал" за его консервативный подход и консервативные оценки, за нашу приверженность чистоте критериев. Поэтому сразу скажу, что, во-первых, о многих мы просто не знаем.

Целыми днями сидят люди из нашего проекта, а также "ОВД-Инфо", "Медиазоны" — и сопоставляют, выискивают по сетям тех, о ком мы еще не знаем. Вот по этой нашей заниженной консервативной оценке сейчас мы признаем политическими заключенными 1 673 человека, и в уголовном преследовании 5 500 мы видим политический мотив.

— Входят ли граждане Украины в это общее число политзаключенных?

— Более того, если мы будем говорить о динамике, то если количество привлеченных к уголовной ответственности россиян остается более-менее стабильным, то на новооккупированных территориях возбуждается все больше и больше дел против граждан Украины. Это как военнопленные, те, кто должны по закону признаваться военнопленными, так и мирные люди, не военнослужащие, на этих территориях.

Мы признаем граждан Украины политзаключенными — 444 человека. И вот в это подмножество [преследуемых по политическим мотивам] 5 500 человек входит 1 500 граждан Украины.

Но понятно, что их намного больше. Назывались и 7 000 человек. Но о них особенно сложно что-то узнать, потому что они как раз содержатся до возбуждения против них уголовных дел в режиме инкоммуникадо (то есть без возможности отправлять или получать письма, а также без встреч с адвокатами и любых связей с внешним миром — НВ).

Если про россиян и тех украинцев, против которых возбуждены дела, мы знаем, мы можем организовать переписку, организуются волонтеры и им помогают — то вот эти люди находятся в заключении совершенно незаконно, на основании секретного указа Путина, который вообще не может существовать, он со всех точек

зрения незаконен. Этих людей огромное количество, и мы просто о них не знаем, и им не могут помочь.

— Я понимаю, что не могу вас расспрашивать о деталях работы с такими людьми, но знаю, что иногда им все же получается помочь.

— Получается в редких случаях до возбуждения уголовных дел. После возбуждения уголовных дел, уже оказавшись в СИЗО, эти люди, они как были "легализуются", а до этого момента они находятся в незаконном, безвоздушном, безинформационном пространстве. И я думаю, что это происходит, потому что система просто не успевает их "переварить", это ее резерв для возбуждения новых уголовных дел. Они сидят в местах по России различных — считается, что таких мест около ста. Потом, когда приходит их очередь, их просто оттуда извлекают, говорят: у тебя статья такая, у тебя — такая. И тут мы их уже находим в СИЗО.

Но есть вот это вот черное пространство, которое просто не должно и не может существовать в нормальной цивилизованной стране.

— Кажется, что сроки по политическим делам стали больше, а статьи — серьезнее: за госизмену сейчас приговаривают чуть ли не чаще, чем за "фейки" об армии.

— Да, совершенно верно, такая тенденция есть. Изменился немного количественный перечень статей, по которым привлекают к уголовной ответственности.

Если раньше привлекали по "фейкам" об армии и войне, то сейчас, скорее, привлекут за оправдание терроризма или за террористические и экстремистские призывы. Самыми популярными статьями сейчас является государственная измена в разных своих формах: шпионаж, оказание помощи, которая повлечет за собой вред безопасности Российской Федерации. И террористические статьи: всякие "оправдания терроризма", участие в организациях, которые на территории [России] признаны террористическими, содействие, финансирование терроризма. Естественно, за финансирование экстремизма в случае ФБК, к сожалению, продолжают привлекать людей.

— Почему происходят такие перемены?

— Я думаю, тут играет роль и устрашение, с гигантскими сроками. Допустим, была статья 275.1 — "конфиденциальное сотрудничество", которую мы часто критиковали за неопределенность, расплывчатость формулировок, которые так трактовали любое взаимодействие с иностранцами. Но сейчас, мы писали об этом, есть такая тенденция, что дела по этой статье, верхняя санкция по которой

составляла 8 лет, массово переквалифицируются на государственную измену. А по государственной измене, в принципе за то же самое и с таким же низким стандартом доказывания, максимальная санкция — это пожизненное лишение свободы. В общем, разница есть: восемь лет и пожизненное.

То же самое с "террористическими" статьями. Они призваны, во-первых, утратить и стигматизировать жертв этого преследования — как каких-то людей, связанных с терроризмом, совершивших, наверное, страшные вещи. С другой стороны, это дает почву для того, чтобы получать новые уголовные дела: допустим, за оправдание тех людей, которые "оправдали" раньше терроризм. Известен случай, когда женщину привлекли к ответственности за то, что она написала: "Слава герою Ильдару".

— Как сидят политзаключенные? В Беларуси "желтая бирка" политзека — это дополнительная изоляция, это постоянные ШИЗО, это лишение писем и свиданий. Что происходит в этом плане в России — выделяют ли как-то политзаключенных в колониях и СИЗО?

— Это сложный вопрос, потому что потому что во многом на политзаключенных распространяются все те же тяготы, которые и обычные уголовно осужденные выносят, — это издевательства, неоказание медицинской помощи, это тяжелая низкооплачиваемая работа. Их действительно часто сажают в ШИЗО по прибытии, потом их переводят на тяжелые условия ЕПКТ (единое помещение камерного типа).

Из того, что касается, в первую очередь политзаключенных, я бы выделила возбуждение новых уголовных дел. Их становится все больше и больше. Это дела за разговоры с сокамерниками, за разговоры с соотрядниками. Вот последнее такое дело, дело возбуждено против [политзаключенного из Кирова Ричарда] Роуза. Первые [такие дела] были против Алексея Горинова и Азата Мифтахова, и это становится практически тотальным: уже десятки людей что-то такое "оправдали" в разговорах со своими сокамерниками. И понятно, что мы совершенно этому [обвинению] не доверяем: мы понимаем, что и сокамерники, и соотрядники — такие же подневольные люди.

А так — весь классический набор [обычного заключенного]: ШИЗО, изоляция, лишение передач. Водворение тебя в ШИЗО в тот день, когда к тебе приехали на долгожданное свидание твои родственники за тысячи километров. В общем, все как обычно.

— А на войну их вербуют или вынуждают ехать?

— Известны такие разовые истории. Известны даже люди из списка тех, у кого мы признавали "политический мотив преследования" и кого отправили на войну, на так называемую СВО. Но так, чтобы склоняли массово, — о таком я не слышала. Мне кажется, что государство не должно быть особо в этом заинтересовано.

— О ком бы вы хотели отдельно рассказать — чья жизнь или здоровье прямо сейчас в опасности? Или, может быть, с кем-то пропала связь?

— Иногда связь пропадает, но не так, чтобы вот в инкоммуникадо это превращалось. Связь пропадает, когда люди на этапе, связь пропадает, когда людей водворяют в ШИЗО, потому что там накладываются ограничения в плане переписки. Если по здоровью, я бы упомянула немолодых людей. Я бы упомянула правозащитника Бахрома Хамроева. Недавно съездила в "Полярную сову" его супруга и нашла его в ужасном состоянии, с полным неоказанием медицинской помощи.

И обязательно я сказала бы о [Галине Бехтер](#). Это очень пожилая гражданка Украины, которая **осуждена** на 11 лет за перевод ВСУ, украинской армии. При этом сама она украинка, проживавшая на оккупированной территории. У нее развилась в заключении деменция от всего происходящего и от того, что она уже очень пожилая женщина. Она не может сама себя обслуживать, ее соотрядницы говорят, что просто на глазах она теряет остатки какого-то понимания того, что происходит. Тем временем гособвинение выходит с апелляционной жалобой и просит дать ей 16 лет лишения свободы, считая, что недостаточно строго наказало эту женщину. По-моему, это совершенно чудовищно.

— Мы привыкли считать, что о судьбах политзаключенных знают очень специальные и ограниченные категории людей, остальные — не знают или не хотят знать. Вещи, о которых вы рассказали, меняют эту ситуацию в России? Знание о том, что стать политическим заключенным может кто угодно — вне зависимости от взглядов и политических симпатий — распространяется?

— Это, собственно, меседж, который "вбрасывает" сама власть Российской Федерации, — и это компенсирует недостаточную массовость репрессий. Когда не нужно арестовать всех людей, а можно [арестовать] 10 врачей, 100 дворников, 100 несовершеннолетних, тысячу пенсионеров — для того, чтобы были запуганы все.

То есть так выходит, что распространение этой информации — это та работа, которую волей-неволей мы делаем вместе с российской властью. Понимают ли люди именно в Российской Федерации, что они сами могут стать жертвами этого, я, к сожалению, сказать не могу, потому что все-таки мы находимся в своем информационном пузыре.

Оригинал публикации: ["Настоящее время"](#).

Подписывайтесь на наш канал в [Telegram](#).

Радио Свобода © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.